

Социальная триада: демография – занятость – доходы в алтайских селах¹

А.М. СЕРГИЕНКО, доктор социологических наук.

E-mail: a.m.sergienko@mail.ru

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Барнаул), Алтайский государственный университет.

Л.В. РОДИОНОВА, кандидат социологических наук. E-mail: lvrieie@mail.ru

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Барнаул

Аннотация. На основе данных государственной статистики и социологических опросов в статье выделены особенности динамики, структурных изменений и взаимосвязи трех ключевых социальных составляющих устойчивого развития сельских территорий Алтайского края: демографической сферы, занятости и доходов. Выявлены вызовы и дисбалансы в развитии этой социальной триады: процессы депопуляции и старения сельского населения в крае происходят более интенсивно в сравнении со всей страной. То же относится к ухудшению здоровья, нарастанию диспропорций в расселении. Снижение занятости сельчан, падение интереса молодежи к сельскому труду сочетается с ростом активности в новых сферах его приложения, примитивизация труда – с появлением его новых высокотехнологичных видов, сокращение безработицы – с усилением остроты ее восприятия населением. На фоне значительного сокращения масштабов бедности в последнее десятилетие выросла доля крайне бедных, усиливается зависимость сельских жителей от социальных трансфертов. Миграция рассмотрена как ответная реакция жителей села на социальные вызовы, выявлен ее рост в различных формах. Показано влияние государственной политики, ее отдельных практик по поддержке рождаемости и занятости на сельскую социальную триаду.

Ключевые слова: сельские территории; устойчивое развитие; демографические процессы; занятость и безработица; доходы населения и бедность; миграция; вызов; дисбаланс; аграрный регион; государственная политика; Алтайский край

Село традиционно рассматривают как инерционную, консервативную часть общества, которая в условиях потрясений и радикальных реформ обеспечивает ему относительно надежную устойчивость. Насколько сегодня правомерно говорить о такой «подушке безопасности», когда село вынужденно гонится за городом, а по силе и качеству динамических сдвигов в отдельных случаях уже не уступает ему?

---

¹ Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект XI.174.1.1. «Экономика Сибири и ее регионов в условиях внешних и внутренних вызовов и угроз: методология, тенденции, прогнозы» № АААА-А17–117022250133–9.

В данной статье на примере Алтайского края, как одного из крупнейших регионов аграрной специализации (24% продукции сельхозпроизводства в ВРП) со значительной сельской частью населения (44%), мы рассмотрим, какие изменения с начала 1990-х гг. произошли в развитии трех взаимосвязанных составляющих социальной сферы – демографии, занятости и доходов населения, которые мы условно назовем социальной триадой², играющей, на наш взгляд, особую роль в устойчивом развитии сельских территорий³. Сохраняются ли традиционные преимущества села в этих сферах, позволяющие ему выполнять ключевые функции по отношению к обществу (в частности, обеспечивать продовольственную безопасность и сохранять пространственную связанность государства). Каковы сила и качество сдвигов в социальной триаде? Куда они привели? Какие процессы препятствуют устойчивому развитию?

В нашем понимании современная специфика социальной сферы сельских территорий заключается не только и не столько в ее «отсталости», сколько в формировании и интенсивном нарастании здесь более масштабных (по сравнению с городами) социальных вызовов и глубоких процессах разбалансированности, что становится угрозой сохранению сельских сообществ и мощным тормозом развития российского общества в целом. Мы не отрицаем значимость других составляющих социальной сферы в развитии сельских территорий, но в данной работе ограничимся анализом выделенной нами социальной триады, концентрирующей основные социальные угрозы, и лишь отчасти коснемся связанных с ней проблем здравоохранения и образования. При этом мы акцентируем внимание на институциональной и сетевой природе сельских сообществ, суть которой раскрыта в концепции моральной экономики крестьянства Дж. Скотта, показана им через адаптивные неформальные практики в форме «оружия

---

² Идея содержательного наполнения социальной триады возникла на основе результатов наших многолетних исследований социального развития села (см.: [Устойчивое..., 2013; Бедность..., 2014; Трансформационные..., 2017; Миграция..., 2019]), а также материалов Гайдаровского форума 2019 г. (см.: URL: <http://gaidarforum.ru/program/15-yanvarya/sotsialnaya-triada-demografiya-zanyatost-dokhody/>).

³ Под устойчивым будем понимать такое развитие сельских территорий, которое позволяет поддерживать количественные и качественные характеристики сельских сообществ и условий их жизнедеятельности на уровне, обеспечивающем решение ключевых внутренних проблем и выполнение ими внешних функций в условиях изменяющейся среды [Устойчивое..., 2013. С. 24].

слабых» [Scott, 1977, 1985] и получила развитие в российских и зарубежных работах по сельской и аграрной социологии⁴.

При подготовке статьи использованы данные Росстата, в частности всероссийских переписей населения 2002, 2010 гг. и 2015 г. (микрперепись), сборников «Регионы России», демографических ежегодников, «Обследований населения по проблемам занятости» и «Обследований рабочей силы» 1992–2018 гг., выборочных обследований домохозяйств. Кроме того, мы опирались на результаты социологических опросов, проведенных в Алтайском крае с начала 2000-х гг. (полустандартизированных, глубинных и фокус-групповых интервью с сельскими жителями, представителями местной власти и бизнеса)⁵, и материалы газеты «Алтайская Нива».

О вызовах демографического развития, или как теряется людской потенциал

Демографическую ситуацию в сельской местности Алтайского края можно охарактеризовать как напряженную. Это проявляется в ускоренном по сравнению с Россией и Сибирью сокращении численности населения, его старении и ухудшении других качественных характеристик, обезлюдении значительных территорий. На начало 2019 г. численность сельского населения региона составляла 1010,2 тыс. человек. По сравнению с 1994 г. – последним годом, когда наблюдался ее рост, – она уменьшилась более чем на 20%. По скорости сокращения населения сёла края в четыре раза обгоняли города. Коэффициент убыли сельского населения региона в 1994–2018 гг. в 3,5 и 1,5 раза превышал соответствующие среднероссийский и среднесибирский показатели.

---

⁴ См., например: [Виноградский, 2009; Никулин, 2019; Фадеева, 2015].

⁵ При участии и под руководством авторов проведен ряд квотных выборочных опросов сельских жителей (n=606 в 2002 г., n=1011 в 2008 г., n=500 в 2011 г. n=570 в 2013 г., n=740 в 2017 г.), а также экспертных опросов представителей местной власти, сельского бизнеса (в 2002 г. n=56; в 2008 г. n=188; в 2011 г. n=84; n=40 в 2013 г.; n=75 в 2017 г.). В 2013–2015 гг. проведено более 100 глубинных интервью с представителями местной власти и бизнеса, собранных в экспедициях в сельские районы региона, а также результаты 15 глубинных и 9 фокус-групповых интервью в 2015–2019 гг. О методиках проведения социологических исследований, особенностях инструментария, процедуре выборки и технологии ее реализации, оценке достоверности и надежности полученной информации см., например: [Бедность..., 2014; Миграция..., 2019].

Численность и динамика сельского населения определяются его естественным движением и миграцией, а также административно-территориальными преобразованиями. Их вклад в изменение демографического потенциала (численности населения) сельских территорий Алтайского края показан на рисунке 1. С начала 1990-х гг. только в первые два года и естественная, и миграционная составляющие действовали в направлении увеличения населения. В дальнейшем наблюдалась естественная убыль, а с 1996 г. к ней добавилась и миграционная. Административно-территориальные преобразования осуществлялись лишь в отдельные годы, но благодаря им сельское население края сокращалось с меньшей скоростью. В результате изменения статуса городских поселений на сельские 156,3 тыс. жителей поселков городского типа, никуда не переезжая, стали сельчанами.

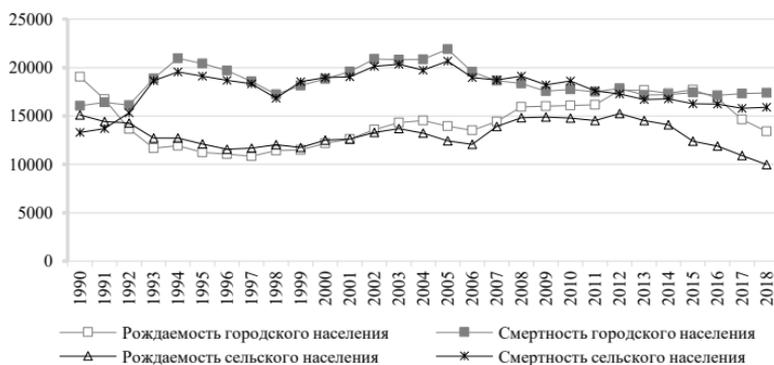

Источник: Демографический ежегодник Алтайского края: Стат.сб./ Алтайский краевой комитет государственной статистики. Б., 2001. С. 14; Демографический ежегодник Алтайского края: Стат.сб./ Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Б., 2018. С. 20.

Рис. 1. Компоненты убыли (прироста) сельского населения Алтайского края в 1990–2018 гг., тыс. чел.

За счет превышения смертности над рождаемостью алтайская деревня потеряла за весь рассматриваемый период более 12% своего населения. Самые большие потери наблюдались в 1994–1996 гг. и 2001–2006 гг. (рис. 2), в эти годы умирало 18–20 тыс. селян в год. Среди причин смерти всего сельского населения доминировали болезни системы кровообращения, а среди населения в трудоспособном возрасте – так называемые внешние

причины⁶. Утратив жизненные ориентиры, лишившись работы и надежды ее найти, столкнувшись с бедностью и нищетой, впад в депрессию, сельские жители в наиболее трудоактивном возрасте стали убивать себя, по образному выражению Э. Макафи, «умышленно и непреднамеренно, быстро и медленно» (цит. по: [Клинов, 2016. С. 69]).

Источник: Демографический ежегодник Алтайского края: Стат.сб./ Алтайский краевой комитет государственной статистики. Б., 2001. С. 29; Демографический ежегодник Алтайского края: Стат.сб./ Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Б., 2018. С. 34.

Рис. 2. Рождаемость и смертность населения Алтайского края в 1990–2018 гг., чел.

Прошло полтора десятка лет, прежде чем произошел перелом в динамике смертности и утвердилась тенденция ее устойчивого сокращения, обусловленная постепенным приспособлением населения к рыночным условиям, досрочной массовой смертностью в предыдущие годы и активизацией демографической политики. Главным результатом сокращения смертности стало повышение продолжительности жизни сельчан. Однако по уровню смертности села Алтайского края по-прежнему опережают и города, и большинство сельских территорий страны (в 55 субъектах РФ из 85)⁷.

⁶ К ним относятся несчастные случаи, убийства, самоубийства и др. См., например: Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб./ Росстат. М., 2018. С. 107. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm

⁷ В 2018 г. общий коэффициент смертности (отношение числа умерших в течение года к среднегодовой численности) сельского населения края составлял 15,6 промилле (на 1000 человек), городского – 13,1, а в России соответственно – 13,6 и 12,0. См.: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/33534>.

Парадоксально, но на фоне снижения сельской смертности преобладает тенденция роста заболеваемости⁸. Можно предположить, что этот рост стал результатом активного свертывания сети учреждений здравоохранения, которое продолжается и по сей день [Миграция..., 2019]. В опросах 2017 г. на ухудшение медицинского обслуживания и недоступность услуг здравоохранения указывала треть сельских жителей, тогда как в 2002 г. – менее пятой части (рис. 3). Вот какую оценку ситуации в здравоохранении дала жительница с. Стуково Павловского района: *«Наиболее острой проблемой для нашей молодой семьи является неудовлетворительная работа местного ФАПа: здание давно нуждается в ремонте, зимой там очень холодно, постоянно боюсь простудить ребенка, нужных лекарств зачастую не бывает, а единственный фельдшер физически не может уделить всем нуждающимся должного внимания. Вот и приходится ездить в райцентр, а это почти 60 км, да еще и транспортное сообщение между селами ужасное».*

Изменения сельской рождаемости до 2012 г. происходили в основном по траектории, зеркальной относительно смертности, а в последнее семилетие их направления совпадают (см. рис. 2). Среднегодовая численность родившихся в сельской местности Алтайского края за весь рассматриваемый период уменьшилась на треть, общий коэффициент рождаемости снизился на 16%, а суммарный – на 15%⁹. И уже в начале 2000-х гг. село утратило своё традиционное лидерство в уровне рождаемости по отношению к городу.

На протяжении всего исследуемого периода показатели рождаемости не обеспечивали простого воспроизводства сельского населения. Их катастрофическое падение в 1990-е годы сформировало новую нисходящую демографическую волну, которая,

---

⁸ Число заболеваний, зарегистрированных у больных с впервые установленным диагнозом на 1 тысячу сельских жителей, выросло с 828,2 в 2000 г. до 862,6 в 2018 г. Рассчитано по данным Алтайкрайстата.

⁹ Общий коэффициент рождаемости – отношение числа родившихся (живыми) в течение календарного года к среднегодовой численности населения. Суммарный коэффициент рождаемости – сумма возрастных коэффициентов рождаемости, рассчитанных для возрастных групп в интервале 15–49 лет. Этот коэффициент показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода при сохранении повозрастной рождаемости на уровне того года, для которого вычисляется показатель. См.: Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб./Росстат. С. 106, 107. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm

соединившись с очередным демографическим эхом Великой Отечественной войны, значительно расширила временные границы кризиса рождаемости и усилила его остроту.

Наряду с объективными причинами снижения рождаемости набрали силу и субъективные. Если в 2008 г. 67% молодых сельчан планировали рождение детей, а 9% – ориентировались на полную бездетность, то в 2017 г. таковых стало 57% и 15% соответственно¹⁰.

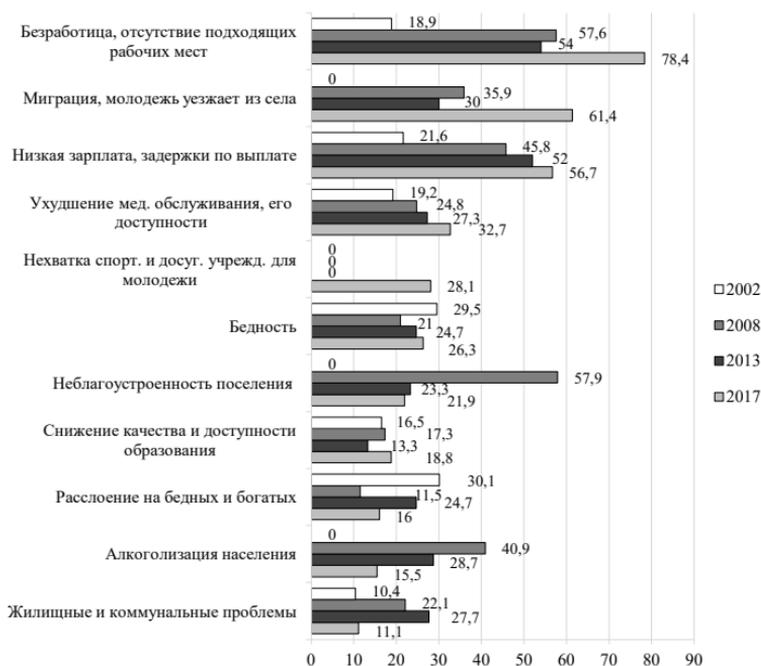

Рис. 3. Оценка наиболее острых социальных проблем в развитии села (по опросам сельских жителей Алтайского края в 2002, 2008, 2013 и 2017 гг.), % к массиву респондентов

Введение материнского капитала и ряда государственных программ и проектов по поддержке семей с детьми привело к кратковременному росту сельской рождаемости в крае (по переписным данным, с 647 детей в расчете на 1 тыс. сельских молодых женщин в 2002 г. до 742 в 2010 г.), но далее показатель вновь стал снижаться и в 2015 г. упал до 576.

¹⁰ По результатам опросов сельских жителей в Алтайском крае.

Другим значимым фактором убыли сельского населения, помимо естественного движения, является миграция. За весь анализируемый период в ходе миграции сельские территории края потеряли почти 10% своих жителей.

Алтайское село отличается интенсивным старением населения. С середины 1990-х гг. его возрастная структура характеризуется как регрессивная. На начало 2018 г. средний возраст сельских жителей региона составлял 41,3 года, что на 1,4 и 2,7 года выше, чем в РФ и СФО. За счет ускоренного старения доля сельского населения трудоспособного возраста к 2018 г. снизилась почти до половины его общей численности, а демографическая нагрузка выросла до 970 человек нетрудоспособного возраста в расчете на 1000 в трудоспособном (в городах края – 744/1000).

Демографические проблемы усугубляет крайне неравномерное распределение сельского населения по территории региона. Около 30% его сконцентрировано в сельских районах, прилегающих к городам Барнаул, Бийск, Рубцовск. Менее заселены южные, северо-западные и восточные территории. В 22 районах, занимающих более 40% площади края, плотность населения не превышает 5 чел./км² (в 1996 г. таких районов было всего семь). Говорить о потенциале устойчивого развития таких территорий не приходится. Для этого просто нет людских ресурсов. Причем, как правило, депопуляционные процессы в них продолжаются: растет миграционный отток, стареет население, снижается рождаемость. Негативные процессы в системе сельского расселения нарастают, ускоренными темпами происходит сжатие освоенного сельского пространства.

Дисбалансы и парадоксы сельской занятости

Села Алтайского края характеризуются более низкими занятостью и участием населения в рабочей силе¹¹ и более высокой безработицей по сравнению с городами региона, и даже селами в других регионах Сибири. По данным выборочного обследования рабочей силы Росстата, в 2018 г. уровень занятости в сельской

---

¹¹ Уровень участия в рабочей силе – процентное отношение численности рабочей силы (занятых и безработных) определенной возрастной группы к ее общей численности. См.: Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2018: Стат. бюлл. (Эл. ресурс). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766

местности края был равен 54,5% от общей численности сельского населения в возрасте 15–72 лет при средних показателях в РФ – 59,6% и СФО – 56,4%¹². По сравнению с 1992 г. численность занятых в регионе сократилась на треть.

На фоне снижения занятости растет многообразие ее видов и форм в результате роста экономической активности самих сельчан (отчасти вынужденной), проникновения в сельскую местность капитала из городов и государственной поддержки сельской занятости. Пытаясь приспособиться к сложной ситуации на рынке труда, сельские жители расширяли свою занятость в традиционных сферах и осваивали новые. По данным проведенных нами опросов, массовыми адаптационными стратегиями сельского населения стали активное развитие личных подсобных и фермерских хозяйств, открытие собственного бизнеса в торговой сфере, сбор «даров природы», маятниковые миграции и отходничество [Бедность..., 2014. С. 126–151, 191–215; Миграция..., 2019. С. 110–238].

Предпринимательство в сельской местности развивается как за счет собственных ресурсов, так и вследствие прихода крупных компаний из городов, других регионов и стран, в том числе торговых сетей [Трансформационные..., 2017. С. 247–255], создающих новые предприятия и формирующих заказы для местных производителей. В результате дробления крупных хозяйств создано множество значительно меньших по размеру. В селах появились новые магазины и логистические центры, сельские жители все активнее включаются в сетевой торговый бизнес. Развиваются автодорожный и транспортный сервис, причем довольно часто рабочие места создаются за границами сельских поселений, о чем свидетельствуют и результаты других исследований в российских регионах [Алексеев, Сафронов, 2019. С. 41].

Со второй половины «нулевых», во многом благодаря господдержке, на селе появились новые возможности для создания малых форм предпринимательства. Открывались пекарни, кафе,

---

¹² Уровень участия в рабочей силе – процентное отношение численности рабочей силы (занятых и безработных) определенной возрастной группы к ее общей численности. См.: Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2018: Стат. бюлл. (электронная версия). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766

гостиницы, парикмахерские, стоматологические кабинеты и другие небольшие организации с рабочими местами для сельчан. Вот как описал свои действия по созданию малого предприятия молодой предприниматель из Смоленского района: *«К моменту окончания вуза я уже решил, что останусь жить в своем селе, и стал продумывать различные варианты трудоустройства. Остановился на том, чтобы открыть свое дело. В центре занятости выделили небольшие деньги, открыл пекарню. Главное – не сидеть сложа руки...»*.

Как результат описанных выше процессов, доля экономически пассивного населения (ничего не предпринимающего для улучшения своего положения на рынке труда) снизилась с 20% в 2002 г. до 7% в 2013 г., а среди молодежи – с 28% в 2002 г. до 3% в 2017 г. Примечательно, что на фоне роста экономической активности наблюдается значительное снижение привлекательности сельскохозяйственного труда, прежде всего среди сельской молодежи. Молодые люди не хотят работать на земле. Только в «нулевых», по переписным данным, удельный вес молодежи (в возрасте до 30 лет), занятой в сельском хозяйстве, упал с 19,2% до 5,3%. В ходе интервью фермеры старших возрастов с болью говорили о своей серьезной озабоченности тем, кому передать в управление свое хозяйство.

С начала рыночных реформ в сельской экономике нарастали количественные и качественные дисбалансы между рабочей силой и рабочими местами [Алтайское село..., 2011. С. 145–164; Калугина., 2015. С. 183–207]. Происходили процессы примитивизации труда и вытеснения квалифицированной рабочей силы на низкоквалифицированные работы. По нашим опросным данным, работники с высшим образованием массово стали занимать места продавцов, экспедиторов, охранников, дворников..., постепенно утрачивая свои профессиональные навыки и умения. В то же время на селе появились новые виды сложного высокотехнологичного труда, связанного с распространением мобильной связи и Интернета, применением современной сельхозтехники, открытием новых современных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья и модернизацией действующих [Миграция..., 2019. С. 110–133]. При этом немногочисленные рабочие места с более высокой зарплатой и «социальным

пакетом»¹³ все чаще замещаются молодыми, образованными, не обремененными большими семейными заботами людьми [Миграция..., 2019. С. 240–251].

На сельском рынке труда растет спрос на квалифицированную рабочую силу. По данным проведенных нами опросов, предприниматели уже с десятков лет остро ощущают дефицит квалифицированных рабочих, специалистов и менеджеров, воспринимая его как главную угрозу развитию своих предприятий. Представители местной власти в последние годы также ставят эту проблему на первое место. По оценкам экспертов и данным Управления по труду и занятости населения Алтайского края, в селе не хватает специалистов как социальной сферы (врачей и медсестер, учителей и воспитателей детских садов), так и АПК (агрономов, зоотехников, ветеринаров, механизаторов, операторов машинного доения и птицефабрик, слесарей по ремонту сельхозмашин, сыроделов и др.).

Положительные перемены в сфере занятости пока еще не отразились значимо на положении сельчан. По опросным данным, многие из них по-прежнему заняты на физически тяжелых работах с высокой интенсивностью труда, низкой заработной платой и ненормированным рабочим днем. На отдельных предприятиях сохраняется задолженность по выплате заработной платы, частично или полностью не оплачиваются сверхурочные работы, отсутствуют доплаты за вредные условия труда. Низкая заработная плата, ее несоответствие затратам и результатам труда традиционно возглавляют рейтинг проблем села (наряду с безработицей и миграцией) как в оценках сельских жителей (см. рис. 3), так и представителей местной власти. С начала 2000-х разрыв в размерах средней заработной платы на селе и в среднем по региону удалось сократить в два раза (с 44,3% до 22,7%). Несмотря на это, в 2017 г. 57% сельчан отметили проблему несправедливо низкой зарплаты и задержек по ее выплате как наиболее важную. Недостаток современных достойно оплачиваемых рабочих мест с нормальными условиями труда признается сельским сообществом самым «слабым звеном»

---

¹³ Под «социальным пакетом» понимается произвольный набор социальных благ, предоставляемых работодателем своим сотрудникам (оплата курсов повышения квалификации, бесплатное либо льготное питание, помощь в строительстве или предоставлении жилья, дополнительное медицинское страхование и др.).

в сельской экономике. Представители молодежи называют его в числе главных причин их отъезда из села.

Сельский рынок труда Алтайского края характеризуют более высокие по сравнению со среднекраевыми и среднероссийскими показатели общей и регистрируемой безработицы, значительные по масштабам долговременная и скрытая безработица, глубокие и устойчивые во времени территориальные диспропорции. По данным Росстата и Управления Алтайского края по труду и занятости населения, в 2018 г. в сельской местности региона проживало 63% безработных по методике МОТ и 77% официально зарегистрированных безработных, при этом здесь было сосредоточено лишь 25% краевых вакансий. Около трети «мотовских» безработных находились в ситуации хронической безработицы. Разрыв между сельскими районами по уровню официально зарегистрированной безработицы составлял 11 раз, по числу незанятых на одну вакансию – 17 раз. При этом внутрирегиональная дифференциация за последнее десятилетие заметно снизилась (максимум был достигнут в 1998 г.). Снижение напряженности на сельском рынке труда обусловлено в первую очередь сокращением населения в трудоспособном возрасте, а в последние годы важную роль играет также оживление сельхозпроизводства в ответ на западные санкции.

Особенностью сельского рынка труда региона является сочетание сравнительно низкой официальной (2,5% в 2018 г.) и средним ее уровнем, оцененным по методике МОТ (9,7%), с чрезвычайно высокой по опросным данным потребностью сельских жителей в рабочих местах. В оценках населения безработица занимает первую позицию среди социальных проблем села, и ее острота нарастает. Если в 2002 г. лидирующее место в рейтинге социальных проблем села ей отводили 19% сельских жителей, то в 2017 г. – уже 78% (см. рис. 3). Близкой позиции придерживались сельские предприниматели и работники местных органов управления, присваивая этой проблеме первые и вторые места.

Такое расхождение в объективных и субъективных оценках безработицы в определенной мере можно объяснить территориальной удаленностью и транспортной недоступностью центров занятости для многих сельских жителей, особенно живущих в небольших населенных пунктах. Существующий режим регистрации в качестве безработного и необходимость регулярного

подтверждения данного статуса возводят дополнительные барьеры на этом пути, поскольку требуют от сельчан немалых и финансовых, и временных, и физических затрат. Кроме того, следует упомянуть и фиксацию работниками центров занятости в качестве самозанятых сельских жителей, имеющих земельные паи, тогда как сами жители в таких случаях часто идентифицируют себя с безработными. Такая «самозанятость», по сути, является скрытым проявлением безработицы.

Доходы сельчан: от бедности к обеспеченности

С начала 2000-х гг. материальное положение сельских жителей региона поступательно улучшалось, за исключением кризисных периодов в развитии экономики страны¹⁴. По результатам опросов, в период роста экономики (2002–2008 гг.) «ядро» бедности, образованное ее средней (*«средств хватает на скромное питание и оплату коммунальных услуг, но не хватает – на приобретение недорогой одежды и других необходимых вещей»*) и крайней формами (*«денег не хватает даже на питание»*), сократилось в 2,7 раза (рис. 4).

Относительная бедность (*«проблемой является покупка вещей длительного пользования»*) в эти годы увеличилась почти в полтора раза, а обеспеченность (*«есть денежные накопления и возможность покупать практически все необходимое для жизни»*) – более чем в два раза¹⁵. Через пять лет (по опросу 2013 г.) «ядро» бедности практически не сократилось, а основные сдвиги в материальном положении сельчан произошли за счет перемещения из относительно бедных в группу обеспеченных, что свидетельствовало о нарастании социального неравенства, под

---

¹⁴ Материальное положение определялось преимущественно на основе оценки сельскими жителями совокупных (денежных, имущественных и натуральных) доходов своих семей, учитывались также характеристики лишений, связанных с потреблением, доступностью и качеством жилья, рабочих мест, услуг образования, здравоохранения и др. [Бедность..., 2014. С. 51–66]. В результате были выделены три уровня бедности: обездоленность или крайняя бедность (*«денег не хватает даже на питание»*), средний уровень (*«средств хватает на скромное питание и оплату коммунальных услуг, но не хватает – на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей»*) и относительная бедность (*«проблемой является покупка вещей длительного пользования»*). Остальные сельские жители, у которых *«есть денежные накопления и возможность покупать практически все необходимое для жизни»*, отнесены к обеспеченным.

¹⁵ Подробнее о методике и результатах оценки сельской бедности см.: [Бедность..., 2014].

влиянием глобального кризиса 2008–2009 гг. и государственных программ поддержки занятости и предпринимательства.

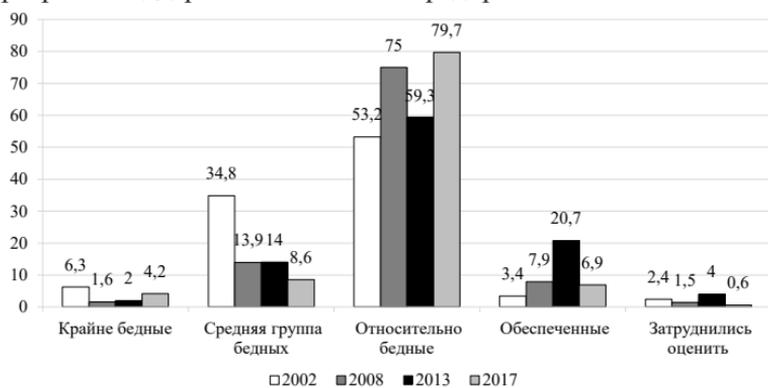

Рис. 4. Оценка сельскими жителями Алтайского края материального положения своих семей (по опросам 2002, 2008, 2013 и 2017 гг.), %

В последние годы в материальном положении сельских жителей происходили более сложные процессы, которые нельзя однозначно трактовать как поляризацию. «Ядро» бедности немного сократилось, но при этом в два раза выросла доля самых обездоленных и на треть – относительно бедных. Такие подвижки объясняются, с одной стороны, влиянием кризисных явлений в экономике России трех предшествующих лет и более активным осуществлением так называемой политики оптимизации по свертыванию учреждений социальной сферы, повлиявших на ухудшение положения даже благополучной части сельчан. С другой стороны, сохраняется государственная поддержка развития малых форм занятости, гражданских инициатив, точечное финансирование строительства объектов социальной сферы.

Кто образует «ядро» бедности? Согласно опросам последних лет, в группе риска по бедности оказываются сельчане около 40 лет и старше, с низким образованием, занятые в сельском хозяйстве и безработные, проживающие в небольших (до 500 человек) деревнях. Для обездоленных больше характерна долговременная безработица, среди них – значительно больше женщин и имеющих серьезные проблемы со здоровьем. Напротив, обеспеченных сельчан чаще представляли мужчины, молодежь, холостяки, предприниматели и самозанятые в сферах торговли,

сельского хозяйства и транспортных услуг. Они имеют более высокое образование и проживают, как правило, в крупных благоустроенных селах, близко расположенных к городам.

Опросные данные свидетельствуют об усилении взаимосвязи между доходами и социально-демографическими характеристиками сельчан. Безработица усиливает риск оказаться бедным и обездоленным, занятость в социальной сфере и в ЛПХ позволяет выйти в относительно бедные, а предпринимательство в торговле и сельском хозяйстве – стать обеспеченным. Пол и возраст все чаще становятся драйверами неравенств: бедность и обездоленность закрепляются в большей мере за старшим трудоспособным возрастом, молодежь 25–35 лет перемещается в сторону обеспеченности, пенсионеры – из группы бедных и обездоленных в более благополучные группы. Если в начале «нулевых» не выявлено значимых различий в материальном положении сельских мужчин и женщин, то в последнее десятилетие мужчины все чаще оказываются в группе обеспеченных.

К причинам бедности сельские жители, представители местной власти и сельского бизнеса традиционно относят в первую очередь пьянство, низкую экономическую активность и слабую трудовую мотивацию, малооплачиваемую занятость, наличие двух и более детей, низкие стартовые возможности (*«родился и вырос в бедной семье»*). Опросные данные говорят о сохраняющейся уже два десятилетия проблеме воспроизводства бедности в ее крайних формах.

Несмотря на позитивные сдвиги в материальном положении домохозяйств, подтверждаемые как статистикой реальных доходов [Миграция..., 2019. С. 93–100], так и самими жителями в ходе опросов, мы фиксируем изменение отношения сельчан к фактору бедности. Все чаще низкие доходы (прежде всего низкая заработная плата) воспринимаются как социальный вызов устойчивому развитию села (см. рис. 3). Такое противоречие во многом объясняется выросшими запросами сельских жителей в условиях усиления социальных контрастов в стране и мире, развития информационного пространства.

При этом бедность во всё больших масштабах концентрируется именно в селах. По результатам выборочного наблюдения Росстата, в 2016 г. в сельской местности проживало более 67% бедных от общей их численности в крае при доле сельского

населения региона – 43,8%. Уровень сельской бедности был в 2,7 раза выше, чем городской (30,8% против 11,6%). Средний денежный доход на члена домохозяйства на селе составлял менее двух третей прожиточного минимума.

Трансформировалась структура источников средств существования сельских жителей. Если в 2002 г., по опросным данным, занятость в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) приносила главный доход и являлась основой выживания для 70% сельских жителей, то в 2008 г. только половина сельчан получала доходы от семейного подворья, ведущим доходом стала заработная плата (рис. 5). К настоящему времени зарплата еще более упрочила свои лидирующие позиции, а ЛПХ окончательно потеряли роль ключевого ресурса. По переписным данным, распространенность среди сельской молодежи доходов от ЛПХ как основных снизилась с 19% в 2002 г. до менее 4% в 2015 г., что говорит о потере их интереса к традиционным видам хозяйственной деятельности на селе.

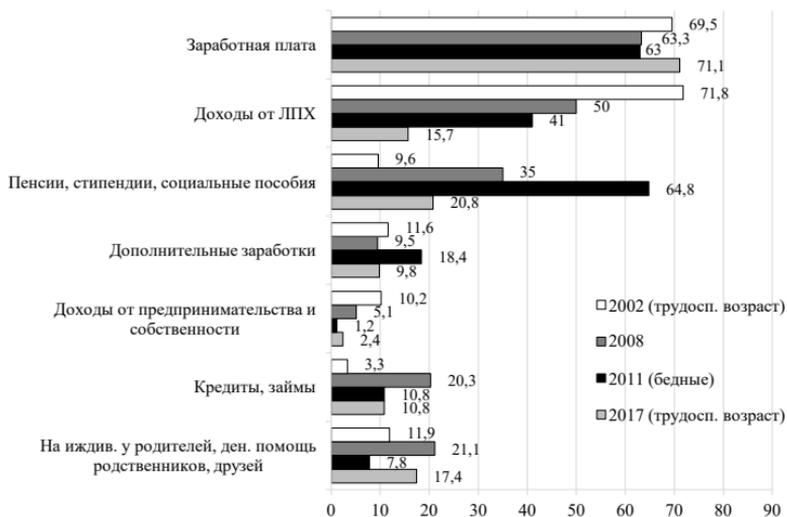

Рис. 5. Структура сельского населения Алтайского края по источникам средств существования (по данным опросов в 2002, 2008, 2011 и 2017 гг.), %

Наблюдается растущая зависимость сельского населения от социальных трансфертов, что является, с одной стороны, отражением изменения возрастной структуры (старения),

а с другой – свидетельствует о повышении значимости мер социальной поддержки. Доля получателей пенсий и социальных выплат увеличилась вдвое, причем среди них немало тех, кто потенциально может быть трудоустроен. Вместе с тем более чем вчетверо сократились численность и доля получателей доходов от предпринимательской деятельности и собственности, что свидетельствует, с одной стороны, о наличии высокой конкуренции на селе, с другой – о сохраняющихся сильных институциональных барьерах на пути создания и ведения бизнеса¹⁶.

Миграция как ответ сельских жителей на вызовы «социальной триады»

Миграция как одна из ключевых характеристик демографической сферы является «говорящим» последствием, явной ответной реакцией местных жителей на происходящие на селе социально-экономические перемены. Какие изменения произошли и куда сегодня направлен вектор миграции в сельской местности Алтайского края?

В первой половине 1990-х гг. в регионе происходил миграционный прирост сельского населения, компенсирующий естественные потери, но довольно скоро он сменился на миграционную убыль.

Примечательно, что вплоть до 2017 г. сохранялся положительный миграционный баланс с государствами нового зарубежья. В 1990-х гг. из бывших союзных республик в места первоначального проживания массово (до 20 тыс. человек в год) возвращались жители края, ранее его покинувшие, и их потомки. В селах края проще было приобрести жилье, найти работу в соответствии с квалификацией, здесь они получали поддержку со стороны родных, соседей и таких же переселенцев. Эти миграции носили преимущественно вынужденный характер: по опросным данным, свыше 80% участвующих в них переселенцев подвергались дискриминации по национальной принадлежности в местах выезда. В 2000-х гг. объемы такой миграции сократились, постепенно восстановилась их добровольность, вернулась доминирующая роль социально-экономических факторов. В определенной мере

---

¹⁶ По данным Алтайкрайстата, с начала «нулевых» наблюдалось почти двукратное сокращение крестьянско-фермерских хозяйств при росте на треть числа сельхозорганизаций.

этому способствовали улучшение политической и социально-экономической обстановки в государствах ближнего зарубежья и деятельность властей по закреплению этнических россиян.

В миграционных же потоках со странами дальнего зарубежья преобладало выбытие алтайских немцев в Германию, от массового исхода в начале 1990-х (по 10–11 тыс. человек ежегодно) до 250 человек в год – в последнее время.

Наибольший вклад в миграционную убыль сельского населения вносили меж- и внутрирегиональные миграции. В российские регионы с более высоким уровнем жизни (преимущественно – в Новосибирскую, Кемеровскую области) ежегодно уезжало около 25 тыс. человек. Во внутрирегиональный миграционный оборот было включено в рассматриваемый период от 30 до 69 тыс. человек в год. Масштабы и направления таких перемещений определялись главным образом социально-экономическими факторами. Например, в кризисные годы (1991–1993 и 1999 гг.), в условиях резкого снижения доходов и уровня жизни, в сельско-городских миграциях наблюдались принципиально новые процессы, когда из города в село выезжало больше переселенцев, чем в обратном направлении.

Потенциальная миграция из села традиционно имеет более значительные размеры в сравнении с реальной. По опросным данным, доля желающих уехать из сельской местности (без учета затруднившихся с ответом) составляла в 2008 г. 40% сельских жителей, затем под влиянием глобального экономического кризиса она упала почти в два раза, но к 2017 г. вновь выросла до 34%.

К сожалению, в результате миграционных процессов алтайские села теряют наиболее молодое, образованное и активное население. По оценке сельских жителей, среди самых острых проблем села миграция в последние годы занимает второе место, после безработицы (рис. 2). По мнению многих опрошенных в 2017 г. представителей местной власти и сельских предпринимателей, миграция молодежи представляет самую большую опасность для социального развития села, причем в ближайшей перспективе, по их оценке, масштабы невозвратной миграции возрастут. Из интервью с помощником главы одного из фермерских хозяйств Михайловского района: *«Много молодежи, конечно, уезжает. Из выпускников школы последних лет в сельском хозяйстве я никого не вижу... Молодежь 30–35 лет еще есть.*

Это те, которые по каким-либо причинам не сумели по окончании школы как-то определиться с учебным учреждением, и вот как-то так здесь остались. Но особой-то перспективы у них здесь нет...».

По данным Росстата, доля молодежи в миграционных потерях сел региона превышает 70%. По опросам 2008–2017 гг., потенциальная миграция молодежи была в полтора-два раза выше средней по всем сельским жителям. Но если с 2008 до 2013 гг. среди молодежи усиливалось желание остаться жить в сельской местности, то в последние годы, напротив, выросло намерение уехать (таблица). В рейтинге миграционных предпочтений сельской молодежи выраженные лидерские позиции сохранили города края. В 2017 г. переезд в такие города планировали более половины желающих уехать из села, о желании перебраться в Москву, Новосибирскую область и другие регионы страны заявляли 15%, в другие страны – около 4%.

**Миграционные установки сельской молодежи
в 2008–2017 гг. (по данным опросов
в Алтайском крае), %**

Показатель	2008	2011	2013	2017
Не хотели переезжать из своего села	35,2	51,6	59,3	36,6
Хотели бы переехать, но нет возможности	10,4	20,9	7,3	5,4
Планировали переехать:				
- в пределах сельской местности	1,8	4,4	0,7	3,3
- в город своего края	23,7	13,2	14,0	29,6
- в другой регион России	8,2	2,1	10,7	8,6
- в другую страну	1,9	1,1	0,0	2,1
- еще не знали куда	11,1	4,4	1,4	8,6
Затруднились с ответом	7,7	2,3	6,6	5,8

Среди главных причин формирования миграционных настроений, помимо желания получить профессиональное образование в городах, все больший вес набирают отсутствие подходящих рабочих мест (по оплате труда и квалификации), неразвитость сферы культуры и молодежного досуга, низкие доступность и качество медицинских услуг, реже – отсутствие Интернета и мобильной связи. Основную массу потенциальных молодых мигрантов образуют выпускники школ, уезжающие на учебу, безработные, низкодоходные, а также пока не образовавшие семью, не обеспеченные своим жильем.

Привлекательность городского образа жизни («больше возможностей для реализации») является ведущим мотивом остаться в городе после учебы для подавляющего большинства молодых селян. Лишь 7% опрошенной в 2017 г. молодежи хотели бы вернуться в село после получения диплома или окончания работы в городе. Среди тех, кто получил опыт постоянного пребывания в городе, основными причинами возвращения в сельскую местность почти в половине случаев являются, с одной стороны, сложности с трудоустройством и арендой подходящего жилья в городе, а с другой – неплохие возможности их решения в селе, которые все чаще создают местные предприниматели, заинтересованные в квалифицированных молодых кадрах. В подтверждение последнего приведем высказывание молодого животновода ООО «Колос» (Локтевский район): *«На предприятии стараются решать жилищный вопрос для всех молодых специалистов и их семей... Сейчас в обновленном здании котлоустановки обустраиваются гостиничные номера по типу общежития для проживания сотрудников и работников социальной сферы села. Давно действует схема: после пяти лет хорошей работы молодежи жилье переходит в их собственность»*. Высокую значимость для «возвращенцев» играют также семейно-родственные связи и притягательность сельского образа жизни (размеренность жизни, близость к природе, *«есть что-то, что тянет назад в село»*).

Особенностью жизнедеятельности сельских сообществ последнего десятилетия являются значительные по масштабам маятниковая и сезонная миграции. Но если размеры сезонной миграции, или отходничества (преимущественно для работы на Севере), постепенно нарастали уже с начала 1990-х гг., то многократный рост маятниковой трудовой миграции наблюдается только со второй половины 2000-х – прежде всего, из-за сокращения рабочих мест в селах и качественного улучшения дорожно-транспортной сети. Как показали фокус-групповые и экспедиционные исследования 2015–2018 гг., после учебы в городах молодые люди возвращаются преимущественно в большие и пригородные села, и многие из них становятся маятниковыми или сезонными мигрантами. По опросу 2017 г., каждый четвертый-пятый потенциальный «возвращенец» предполагал после учебы жить в сельской местности, но работать в городе (*«до*

*города недалеко, есть неплохие дороги и транспортное сообще-
ние, буду жить в селе и ежедневно ездить на работу в город»),
а каждый девятый-десятый – был готов выезжать на сезонные
работы («планирую жить в селе и ездить на работу на Север или
в города с высокооплачиваемыми рабочими местами»).*

Можно ли рассматривать набирающие силу маятниковую и сезонную миграции в регионе как действенный способ решения социальных проблем села? По результатам нашего исследования, а также выводам других российских ученых [Между домом..., 2016], такие процессы действительно имеют богатый спектр более или менее очевидных позитивных моментов. В частности, они способствуют смягчению проблем безработицы, низких доходов, массового миграционного оттока (депопуляции). Вместе с тем такие миграции оставляют за собой и широкий шлейф негативных последствий, наиболее явными из которых являются социально-демографические – проблемы создания и сохранения семьи, рождения и воспитания детей. И пока мы не можем с уверенностью сказать, плюсы или минусы в итоге перевесят.

Что в «сухом остатке» и каковы надежды на устойчивое развитие

Акцентируя внимание на вызовах сельской «социальной триады», сегодня можно говорить, *во-первых*, о накопленном за два с половиной десятилетия эффекте нарастания клубка демографических проблем в сельской местности Алтайского края – потеря традиционных преимуществ села по уровню рождаемости, сокращение молодежи среди трудоспособных с более трети до четверти, увеличение площади малозаселенных территорий до 40%. Причем эти процессы в крае протекают интенсивнее, чем на пространствах всей сельской России, «заселенной стареющим населением и находящейся под прессом демографической депопуляции» [Никулин, 2017. С. 185]. Край опережает Россию по сокращению сельского населения в 3,5 раза, по смертности – на 15% и отстает по рождаемости – на 9%.

Осознание демографических проблем как критической угрозы для России и ее регионов происходит на всех уровнях управления. Принимается множество концепций, программ и проектов демографического развития, выделяются немалые

ресурсы на их реализацию, но пока переход от их количества к новому демографическому качеству не происходит. Несмотря на предпринимаемые органами власти усилия и определенные позитивные результаты – снижение смертности, повышение ожидаемой продолжительности жизни – переломить негативные демографические тенденции не удастся.

Во-вторых, в сфере занятости происходят сложные, иногда противоречивые процессы, не всегда поддающиеся с первого взгляда логическому объяснению. На селе снижение занятости сочетается с ростом многообразия ее видов и форм, примитивизация труда – с появлением новых видов высокотехнологичных рабочих мест, низкий уровень заработной платы – с относительно высокими затратами и результатами труда и т.д. Алтайский край отличает значительная выраженность дисбаланса сельского рынка труда. Зафиксировано резкое снижение интереса молодежи к сельскому труду и образу жизни на фоне растущей потребности в квалифицированных работниках. Снижение безработицы контрастирует с усилением остроты восприятия этой проблемы населением.

В-третьих, несмотря на значительное сокращение размеров сельской бедности, в крае сохраняется ее более высокий уровень. Причем в последнее десятилетие усилился эффект ее воспроизводства в крайней форме (обнищание). Сельские жители попали в растущую зависимость от социальных трансфертов.

Как следствие всех названных вызовов, набирает обороты миграция из села в разных ее обликах (постоянная, маятниковая, сезонная).

Отметим, что процессы социально-экономической поляризации, значительного разрыва в уровне жизни между городом и селом, между регионами и странами сходны с тем, что происходит в сельской России и развивающихся странах. Сельские жители, представляющие избыточную рабочую силу, «неспособные прокормиться со своей земли, все чаще вынуждены искать поденную, грязную, низкооплачиваемую работу за пределами своих хозяйств» уже не только в других селах и городах своего региона, но в других регионах и даже за рубежом [Никулин, 2017. С. 186].

На наш взгляд, серьезными последствиями чреваты вызовы, связанные с *негативным восприятием социальных реалий*

сельскими жителями. Потенциал их недовольства происходящими социально-экономическими переменами на селе, согласно опросным данным, доходит до 60–80%. Рост обеспокоенности и неуверенности связаны, в частности, со свертыванием сети учреждений образования и здравоохранения, низкой доступностью кредитов для развития малого бизнеса, трудностями «вхождения» в программы государственной поддержки предпринимательства, а в последний год – с повышением границ пенсионного возраста¹⁷.

По мнению экспертов, это недовольство является не столько накопленным за три десятилетия итогом несбывшихся ожиданий и недоверия к очередным «сотрясениям воздуха» политиков и управленцев, сколько локальной проекцией более глубоких процессов – «активного сопротивления сельских жителей глобальным аграрным преобразованиям, в которых именно самим сельским жителям места и не находится» [Никулин, 2017. С. 187].

Об этом, на наш взгляд, отчасти свидетельствует и сохраняющийся отток наиболее активной молодежи даже из тех сел и районов, где довольно отчетливо видны позитивные результаты реализации различных проектов и программ, грантовой поддержки местных инициатив. Среди них как пригородные районы (Бийский, Каменский, Рубцовский), так и удаленные от городов (к примеру, Ключевский, Курьинский). Во всех них сальдо миграции в расчете на тысячу жителей намного выше среднего по районам края (–10, а молодежи –20) при значительно более высоких объемах инвестиций на душу населения (до полутора раз и более)¹⁸.

Нарастающие в синергетическом взаимодействии вызовы сельской социальной триады превращают их (наряду с другими вызовами) в тормоз развития не только села, но и всего региона. Несмотря на то, что Алтайский край остается одним из крупнейших в стране производителей сельхозпродукции, значительно

---

¹⁷ Последнее повлияло не только на дополнительный рост напряженности на сельском рынке труда из-за отсутствия рабочих мест, но и на появление новых трудностей для зарабатывания пенсионного стажа и получения пенсии, рост нежелания новых «предпенсионеров» продолжать трудиться в силу различных причин (плохое здоровье, физически тяжелая работа, низкая зарплата).

¹⁸ Рассчитано на основе региональных баз данных Алтайкрайстата.

вырос уровень государственной поддержки села и аграрного сектора [Барсукова., 2017], вклад региона в экономический потенциал страны с начала 2000-х гг. сократился. По нашим расчетам на основе данных ЕМИСС, доля края в сельском хозяйстве РФ сократилась с 3,4% в 2000–2004 гг. (в среднегодовом исчислении) до 2,7% в 2014–2018 гг.¹⁹

Можно ли переломить неблагоприятную ситуацию в развитии сельской социальной триады в ближайшем будущем? К сожалению, для управленческих ответов на социальные вызовы требуются настолько глубокие институциональные преобразования и масштабные инвестиционные ресурсы, что находится немало ученых и практиков, оценивающих их как нецелесообразные. При этом скептики оправдывают свой вердикт тем, что происходящие процессы находятся в русле глобальных трендов пространственного развития, урбанизации²⁰. При сохраняющейся политике «латания дыр» в ее обновленных вариантах (политики комплексного развития, устойчивого развития, пространственного развития и т.д.) надежды на реализацию стратегических целей государства в части обеспечения устойчивого развития сельских территорий остаются призрачными²¹.

Кроме того, большинство запланированных управленческих воздействий по-прежнему лишь точно затрагивают село. Об этом, в частности, можно судить по задачам и запланированным конечным показателям приоритетных национальных проектов на 2019–2024 гг., на реализацию которых направлены сегодня чуть ли не основные усилия управленцев страны и ее регионов. Что же касается принятой в мае 2019 г. государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» на пе-

---

¹⁹ См.: URL: <https://fedstat.ru/indicator/>

²⁰ Эти аргументы приводят, в частности, исследователи, говоря о бессмысленности предпринимать административные попытки к развороту вспять потоков миграции из сел в города [Нефедова, Мкртчян, 2017. С. 65].

²¹ В частности, среди таких целей: «обеспечение стабилизации численности сельского населения и создание условий для его роста за счет снижения смертности, увеличения ожидаемой продолжительности жизни, уменьшения миграционного оттока населения; обеспечение занятости, повышение уровня и качества жизни сельского населения с учетом современных требований и стандартов». См.: «Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года». С. 24. URL: http://mcx-consult.ru/d/77622/d/strategiya_razvitiya_selskikh_territoriy_rf_do_2030_goda.pdf

риод 2020–2025 гг., то села Алтайского края, как и большинства российских регионов, она затронет в небольшой степени²².

Для того чтобы не пропустить «точки невозврата» для указанных выше вызовов, что поставит под удар выполнение сельскими территориями общенациональных функций и задач территориального развития²³, на наш взгляд, необходимо интенсифицировать реализацию Стратегии развития сельских территорий в тесном сотрудничестве с сельским бизнесом и общественными структурами, с опорой на институциональные и сетевые «корни» сельских сообществ. Не перечисляя конкретные меры, подчеркнем, что эффективными путями улучшения сельской социальной триады должна стать модернизация социальных лифтов на селе, начиная с раннего формирования привлекательного образа сельской жизни и профориентации, а также создание притягивающих молодежь «социальных якорей», связанных с реальной поддержкой предпринимательства, приобретения жилья, формированием комплексов молодежного досуга²⁴.

Литература

Алексеев А.И., Сафронов С.Г., Савоскул М.С., Кузнецова Г.Ю. Основные тенденции эволюции сельского расселения России в XX – начале XXI вв. // ЭКО. 2019. № 4. С. 26–49. Doi: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-4-26-49.

Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: монография / Под ред. А.Я. Троцковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 296 с.

Барсукова С.Ю. Аграрная политика России // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 31–45.

Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / Под общ. ред. А.М. Сергиенко. Барнаул: Азбука, 2014. 330 с.

---

²² Программа акцентирована на преодоление дисбалансов в пространственном развитии страны путем опережающего развития приоритетных территорий. К таким территориям отнесены субъекты Федерации, входящие в Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа, Республика Крым, Севастополь, Калининградская область, а также субъекты Федерации, отдельные территории которых входят в состав Арктической зоны России. См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 года № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvidzD7rZAw0FaFjnA79v.pdf>

²³ «Стратегия устойчивого развития сельских территорий...». С. 24.

²⁴ Перечень конкретных мер и обоснование их необходимости см.: [Миграция..., 2019. С. 264–287].

Виноградский В. Г. «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ, 2009. 292 с.

Калугина З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 342 с.

Клинов В. Сдвиги в распределении доходов между трудом и капиталом: факторы, последствия и проблемы регулирования // Вопросы экономики. 2016. № 7. С. 64–77.

Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край / Под ред. А. М. Сергиенко. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2019. 319 с.

Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 5. С. 58–67.

Никулин А. М. Агро-БРИКС, агромир и сельско-городская Россия // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4. С. 184–190.

Никулин А. М. Крестьянство России в прошлом и настоящем // Пути России. Границы политики: Сборник статей XXV Международного симпозиума. Под общей редакцией М. Г. Пугачевой. 2019. С. 198–206.

Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае: колл. монография / Науч. ред. *А. Я. Троцкий*. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 423 с.

Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: колл. монография / Науч. ред. *А. Я. Троцкий*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 330 с.

Фадеева О. П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / Под ред. З. И. Калугиной. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. 264 с.

Scott J. Moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 1977. 254 p.

Scott J. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1985. 389 p.

Статья поступила 14.07.2019.

Статья принята к печати 04.09.2019.

Для цитирования: *Сергиенко А. М., Родионова Л. В.* Социальная триада: демография – занятость – доходы в алтайских селах // ЭКО. 2020. № 1. С. 138–165. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-1-138-165.

Summary

Sergienko, A. M., Doct. Sci. (Sociological), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Rodionova, L. V., Cand. Sci. (Sociological), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Barnaul

The Social Triplet Demography-Employment-Income in Altai Villages

Abstract. Based on the data of state statistics and sociological surveys, the paper identifies the features of dynamics, structural changes and interrelation of the three key social components of sustainable development of rural areas (rural social triple) in Altai Krai: the demographic sphere, employment and income. The challenges and imbalances in the rural social threesome development are revealed. It is proved that processes of depopulation and ageing of the rural population are happening more intensively than in Russia with deteriorating health and increasing disproportions of resettlement in the region. The decline in rural employment, the falling interest of young people to rural work is combined with increased activity in new areas of its application, the primitivization of labor – with the advent of its new high-tech types, the reduction of unemployment – with increasing acuteness of its perception by the population. Against the background of significant reduction in poverty, the proportion of the extremely poor has increased over the past decade, and the dependence of rural residents on social transfers increases. Migration is growing in its various forms as a response of rural residents to challenges. However, the state policy is trying to produce an impact on the rural social triple by providing support to the birth rate and employment.

Keywords: rural areas; sustainable development; demographic processes; employment and unemployment; incomes and poverty; migration; challenge; imbalance; agricultural region; state policy; Altai krai

References

- Alekseev, A.I., Safronov, S.G., Savoskul, M.S., Kuznetsova, G.Yu. (2019). The Main trends in the evolution of rural settlements in Russia in the XX – early XXI centuries. *ECO*. No. 4. Pp. 26–49. (In Russ.) Doi: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-26-49.
- Barsukova, S. Yu. (2017). The agrarian policy of Russia. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. No. 5. Pp. 31–45. (In Russ.)
- Fadeeva, O.P. (2014). *Rural communities and economic structures: from survival to development*. Novosibirsk: Izd-vo IEOPP SO RAN. 264 p. (In Russ.)
- Kalugina, Z.I. (2015). *Market transformation of the agricultural sector of Russia: Sociological discourse*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. 342 p. (In Russ.)
- Klinov, V. (2016). Shifts in the distribution of income between labor and capital: factors, consequences and problems of regulation. *Voprosy ekonomiki*. No. 7. Pp. 64–77. (In Russ.)
- Nefedova, T.G., Averkieva, K.V., Makhrova, A.G., ed. (2016). *Between home... and home. Return spatial mobility of the population of Russia*. Moscow. Novyy khronograf Publ. 504 p. (In Russ.)
- Nefedova, T.G., Mkrtychyan, N.V. (2017). Migration of rural population and dynamics of agricultural employment in the regions of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*. No. 5. Pp. 58–67. (In Russ.)
- Nikulin, A.M. (2019). Russian peasantry in the past and present. *Puti Rossii. Granitsy politiki: Sbornik statey XXV Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Pod obshchey redaktsiyey M.G. Pugachevoy. Pp. 198–206. (In Russ.)
- Nikulin, A.M. (2017). Agro-BRICS, Agromir and rural-urban Russia. *Krestianovedeniye*. Vol. 2. No. 4. Pp. 184–190. (In Russ.)

Scott, J. (1977). *Moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in southeast Asia*. New Haven: Yale University Press. 254 p.

Scott, J. (1985). *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press. 389 p.

Sergienko, A.M., ed. (2014). *Poverty in rural Russia in the conditions of economic modernization: processes and mechanisms of formation and overcoming*: coll. monograph. Barnaul: AZBUKA Publ. 330 p. (In Russ.)

Sergienko, A.M., ed. (2019). *Migration of rural youth: Altai territory is in focus*. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta. 319 p. (In Russ.)

Trotskovsky, A. Ya., ed. (2011). *Altai village: trends and mechanisms of social development: monograph*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 330 p. (In Russ.)

Trotskovsky, A. Ya., ed. (2013). *Sustainable development of rural areas of the Altai territory: socio-economic and spatial aspects*: coll. monograph. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 330 p. (In Russ.)

Trotskovsky, A. Ya., ed. (2017). *Transformation processes and formation of competitive advantages in the Altai territory*: coll. monograph. Novosibirsk: Izd-vo IEOPP SO RAN. 423 p. (In Russ.)

Vinogradskiy, V.G. (2009). *“Tools of the weak”: technology and social logic of everyday peasant existence*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEU. 292 p. (In Russ.)

For citation: Sergienko, A.M., Rodionova, L.V. (2020). The Social Triplet Demography-Employment-Income in Altai Villages. *ECO*. No. 1. Pp. 138-165. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-1-138-165.